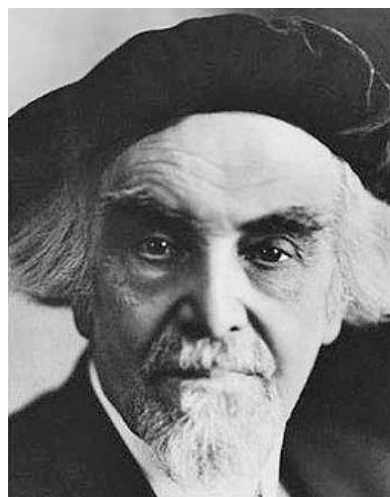

Поставить проблему человека для него значило в то же время поставить проблему свободы, творчества, личности, духа, истории [8, с. 6, 21].

Человек есть точка пересечения двух миров – макрокосма и микрокосма, поэтому смысл бытия со всей полнотой раскрывается лишь в человеческом существовании. «Сама постановка дерзкой задачи познать вселенную, – пишет Н.А. Бердяев, – возможна лишь для того, кто сам есть вселенная, кто в силах противостоять вселенной как равный, как способный включить ее в себя. Познание человека покоится на предположении, что человек – космичен по своей природе, что он – центр бытия. Человек как замкнутое индивидуальное существо не имел бы путей к познанию вселенной. Такое существо не превысило бы отдельных вещей мира, не преодолело бы частных состояний. Антропологический путь – единственный путь познания вселенной, и путь этот предполагает исключительное человеческое самосознание. Лишь в самосознании и самочувствии человека открываются божественные тайны» [2, с. 56].

Философия есть наука о духе, считал Н.А. Бердяев. Поэтому основной противоположностью, с которой он начинает разработку мировоззрения, является противоположность между духом и природой. Различие между духом и природой он демонстрирует следующими противопоставлениями. Дух – это субъект, жизнь, свобода, огонь, творческая деятельность. Природа – объект, вещь, необходимость, определенность, пассивная деятельность, неподвижность. Психическую жизнь он также включает в царство природы. Дух, в отличие от природы, невозможно познать разумом или логическим мышлением. Он может быть познан только жизненным, духовным опытом. Духовное бытие человека, полагает Н.А. Бердяев, тесно связано с духовностью божества. Божество может раскрыть себя только символически, поскольку оно выходит за пределы естественного мира. Символы, в свою очередь, неизбежно связаны с мифами, в которых истолковывается тот или иной символ. У Н.А. Бердяева символы не являются просто субъективными выражениями другой реальности. Его символизм есть действительная

естественная реальность, понятая в связи с ее сверхъестественным значением. Особенности религиозной философии, по его мнению, состоят в том, что она говорит на языке символов и мифов [7, с. 300 – 301; 1, с. 52 – 72].

Николай Александрович Бердяев
(1874 – 1948)

В его собственной философии ключевая роль принадлежала таким символам, как свобода, творчество и человек. Сам Н.А. Бердяев своеобразие своей философии видел в том, что в ее основу он положил не бытие, а свободу.

Свобода определяет содержание «царства» духа. Н.А. Бердяев придает свободе метафизический и онтологический статус, признавая ее первичность в отношении природного и человеческого бытия и даже независимость от бытия божественного. Он

различает три типа свободы: первичную иррациональную свободу, рациональную свободу и свободу, проникнутую любовью к Богу. Первичная свобода не создается Богом, она коренится в Ничто извечно, из которого Бог сотворил мир. Над этой свободой Бог не властен, поскольку он ее не создавал. Это свобода в своей потенции содержит возможность, как добра, так и зла. Она порождает зло тогда, когда с ее помощью нарушается иерархия бытия и человек из-за гордыни духа желает поставить себя на место Бога, что, в конечном итоге, приводит человека к рабству. Рациональная свобода состоит в соблюдении морального закона, в подчинении нравственным принципам, что опять приводит к рабству. Выход из этой ситуации философу видится только трагическим и сверхъестественным. Иррациональная, «темная» свобода, и рациональная, «добродетельная» свобода, «изнутри» преображаются Божественной любовью, жертвой Христа. Это происходит тогда, когда Бог появляется в аспекте не Творца, а Искупителя. Божественная трагедия, таким образом,

связывается Н.А. Бердяевым с проблемой свободы. Божественная жертва, по мнению Н.А. Бердяева, должна покорить порочную свободу изнутри путем просвещения, не отвергая созданного Ничто мира свободы. Иррациональная свобода человека у мыслителя имеет абсолютное значение, поскольку она не подчинена Богу. Но именно она ввергает человека во зло и превращает не только его, но и божественную историю в трагедию. Чрезмерный рационализм и оптимизм большинства теологических систем Н.А. Бердяеву видится в их неспособности воспринять глубочайший трагизм христианства [8, с. 503 – 507; 3, с. 120 – 140].

В своем философствовании Н.А. Бердяев чаще всего исходит из феномена человека при истолковании любых философских проблем. При этом его взгляд на судьбу человека, историю человечества носит эсхатологический характер. Отрешившись от Бога, падший человек, по его мнению, извратил свою сущность, потерял опыт духовной жизни. Вместо опыта духовной жизни существующего *я* человек разрабатывает путь познания *вне* *цн*его мира как объективированной формы. Объективация обуславливает драматизм судьбы человека, не способного на путях истории и культуры выйти из пределов «царства природы» [8, с. 23 – 25].

В работе «Смысл творчества: Опыт оправдания человека», основываясь на этих посылах, мыслитель проводит различие между наукой с одной стороны, философией и религией – с другой. Наука для Н.А. Бердяева – неоспоримый факт, нужный человеку. Однако особенность науки он видит в том, что она «по существу своему и по цели своей всегда познает мир в аспекте необходимости». Наука существует для того, чтобы человек мог ориентироваться в окружающем его мире, в «мировой необходимости» в целях самосохранения. Наука – это познание необходимости. Научное мышление всегда находится в области необходимости, в нем есть покорность мировой истории. Истины науки применимы лишь к частным состояниям бытия. Стихия науки не свобода, а необходимость. Она – не творчество, а послушание. Наука – это знание в его объективированной форме,

признающее примат бытия над свободой. В такой объективированной системе мира есть природа, но нет духа, тогда как истинная реальность – это дух. Философия и религия создают другие системы мира, основанные на непосредственном духовном опыте [2, с. 27 – 30]. Свою философию Н.А. Бердяев называет экзистенциальной, или персоналистической, поскольку он рассматривает личность как свободное проявление духа, не ограничивающееся природными рамками. Философия персонализма должна «признать примат свободы над бытием», поскольку свободный дух «веет, где хочет».

Объективация – это путь познания природы, а не духа. Природа же чужда субъекту, личное в ней поглощено общим. В природном мире преобладает необходимость, свобода личности подавляется, жизнь приспособляется к массовым движениям и среднему человеку. Однако человек как личность имеет большую ценность, чем общество, нация, государство. Напротив, все они и даже космос – это часть личности, поскольку личность не природная категория, а духовная. Личность у Н.А. Бердяева не субстанция, а творческий акт. Основа личности является космической, поэтому творческая деятельность человека затрагивает и божественную жизнь.

Большое место в отмеченной работе философ уделяет творчеству. Творчество у Н.А. Бердяева всегда имеет своей основой и целью свободу. Творчество – это та сфера, в которой человек может раскрыть свою гениальность, заложенную в него Творцом. Творческая активность дает возможность человеку победить в себе все эгоистическое, самолюбивое, страх собственной гибели, оглядку на других. В его философии творчество практически исчерпывает «позитивный» аспект человеческого бытия. Вместе с тем нормальный идеал классического творчества культуры есть лишь выражение трагедии творчества. Однако жертвенность творчества – это не гибель и ужас, а выход, исход, победа, поскольку «творческий акт всегда есть освобождение и преодоление». Цель творческого порыва – достижение иной

жизни, восхождение в бытии. Разные направления культуры по-разному отражают сущность творчества и его цели. Эти различия Н.А. Бердяев рассматривает на примере романтизма и классицизма. Оба направления выступают здесь у него не как эстетические, литературные категории, а как мировые, метафизические категории, распространяемые им не только на все сферы творчества, но и на познание, нравственную жизнь. Романтизм есть преодоление трагедии творчества, в нем здоровый дух жизни, тоска по восхождению бытия. Классицизм для Н.А. Бердяева – отражение болезненного духа, отказа от жизни. В классицизме есть внутренняя замкнутость, в то время как романтизм связан с трансцендентным прорывом. Классицизм мешает порывам человека к иному бытию, романтизм жаждет прорыва в бесконечность [2, с. 105 – 115].

Творчество у Н.А. Бердяева не знает границ. Оно охватывает не только художественный и философский опыт, но может проявляться и в религиозно-духовном и моральном опыте личности, в ее исторической и общественной активности. В художественном творчестве творятся символические ценности, а не бытие, в нем ясно раскрывается символическая природа культуры. В художественном творчестве всегда возникает дилемма: «творить саму жизнь или творить художественное произведение». Она ярко проявилась в жизни и творчестве Л.Н. Толстого, все творчество которого было мучительным поиском совершенной жизни. Трагедия художника-творца заключается в том, что его произведения не достигают онтологических результатов и переливаются в совершенное искусство, а не в совершенную жизнь.

На философскую мысль Н.А. Бердяева заметное влияние оказал кризис западноевропейской цивилизации начала XX века, когда завязывались главные противоречия эпохи, когда ее научно-технические достижения, социальные катаклизмы стали сопровождаться дегуманизацией человека, упадком культуры. Развитие научно-технического прогресса стало для него духовным вопросом, вопросом о судьбе человека и его отношении к Богу. Он

отмечает, что техника стала сферой единственной веры современного человека, самым большим его увлечением. Но она же порабощает человека, ослабляет его духовность, грозит ему гибелью, потому что человек уже не в силах справиться с техникой. Техника радикально меняет отношение человека к природе, пространству и времени. Она убивает все органическое в жизни, отрывает человека от земли, переносит его в мировые пространства. Человек перестает жить среди животных и растений, ослабляется душевность в человеческой жизни. Техника создает новый мир, в котором машина отрывает душу человека от сращенности с органической плотью, с растительно-животной жизнью. Этот новый мир имеет космогоническое значение, поскольку техника не только материализует мир, но может способствовать и его одухотворению, освобождению человека. В машине присутствует разум человека, который может поставить машину под знак духа, подчинить ему процесс технизации, механизации, материализации мысли. Дух может овладеть этим процессом и вступить в новую эпоху победителем [2, с. 659 – 663, 1, с. 72 – 74].

Н.А. Бердяев размышляет над вопросом о том месте, которое должно занимать христианство в новую эпоху, в эпоху научно-технического прогресса. По его мнению, «христиане оказались совершенно неподготовленными» к оценке происходящего, к месту техники и машины в человеческой жизни. Христианство в своей основе очень тесно связано с землей, с патриархальным укладом жизни. Природный мир, в котором в прошлом совершилось христианское откровение, жили апостолы, святые совершенно изменился. Техника разрушила прошлый уклад жизни, оторвала человека от земли. Христиане научились жить в этом новом мире в двух ритмах – ритме религиозном и ритме мирском – благодаря христианскому дуализму. Однако в религиозном смысле остается неясным, что привносит в христианство этот вновь образующийся мир. Символика христианства во многом связана с органической жизнью, которая уступает место металлу, машинной цивилизации. Наступившая суровая эпоха техники и

соответствующего ей духа, требует от христианства переосмысления некоторых положений вероучения, обновления форм христианской жизни [2, с. 669 – 670].

Новая духовность будет знаменовать наступление духовного совершеннолетия, «выход из детских пеленок», когда дух еще был погружен в природу. Различая три ступени духовности – духовность, ограниченную природой, духовность, ограниченную обществом, и чистую, освобожденную духовность, Н.А. Бердяев полагает, что наступает время последней ступени. Первые две ступени носили исторический характер: в язычестве сильнее были ограничения духовности природой, в христианстве – ограничения духовности обществом. Чистая духовность не носит исторического характера, для нее священны лишь Бог и божественное в человеке, а также истина, любовь, милосердие, справедливость, красота, творческое вдохновение [1, с. 194]. Исторический процесс как борьба между добром и злом завершится вне истории гибелью всего земного, кроме лучей царства Бога, входящих в этот процесс.

Взгляды И.А. Ильина на фундаментальные проблемы бытия, философию и религию, духовную жизнь людей, существенно отличаются от рассмотренных выше философов. Центральной посылкой философских воззрений И.А. Ильина является учение об очевидности. Очевидность – это особый философский опыт, полученный посредством соответствующего духовного опыта и познавательного процесса. Истинный предмет философии – это начало духа, которое обнаруживает себя в живой и неживой природе, в человеке и его культуре, во всем, с чем приходится сталкиваться философу. Исследование проявлений духа во всех случаях требует от философа предметного созерцания и мышления.

При таком подходе создание той или иной философской системы в значительной степени будет определяться предметом философствования. Если предмет философа «в самом деле есть «система», то его философия верно передаст и изобразит ее; но если предмет есть бессвязная совокупность, то это обнаружится и в его предметной философии». Философ, который хочет успешно исследовать свой предмет, должен реально-опытно переживать его. Он должен превратить свою душу, сознание и мышление, свою жизнь в орган своего предметного опыта. Испытать и познать сущность

Иван Александрович Ильин
(1883 – 1954)

духа можно только тогда, если самому стать орудием духа. Только подняв собственное религиозно-философское постижение жизни на высочайший уровень духовности, философ может рассуждать о ней [6, с. 12 – 14].

По мнению И.А. Ильина, этика как учение о нравственности не может быть уделом сухих академических знаний. Рассуждения о свободе воли, силе духа, любви, добре и зле и пр. невозможны без личного переживания этих предметов философствования, без эмоционального испытания их в индивидуальном опыте. Основное правило очевидности И.А. Ильин формулирует следующим образом: «сначала – быть, потом – действовать и лишь затем из осуществленного бытия и из соответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания – философствовать» [6, с. 14].

В своем философском творчестве И.А. Ильин уделяет большое внимание философии религии, затрагивая и раскрывая многие проблемы познания и самопознания, постижения основ бытия и человеческой истории. В «Аксиомах религиозного опыта» он развивает свой принцип очевидности, утверждая, что религиозный опыт строится и приобретается, прежде всего, через субъективную, личную культуру духовности. Человек, лишенный духовности, не найдет дороги к Богу. «Великий современный кризис

религиозности», по мнению философа, заключается в том, что люди из поколения в поколение утрачивали «религиозный акт», перестали понимать его силу и значение. Земная жизнь с ее заботами и расчетами, с новым цивилизационным укладом сделала религию скорее древним ритуалом, чем живым духовным процессом, понятным современным людям. И только ценой собственного жизненного опыта, чаще всего состоящего из лишений, страданий и унижений, человек приобретает духовное прозрение.

Только на высоком духовном уровне преодолеваются трагические проблемы личного религиозного опыта путем собственной воли, собственного решения, основанного на свободном выборе, на действии, начинающем с кажущейся безвыходности.

Таким образом, русская религиозно-философская мысль отчетливо сформулировала идею взаимосвязи человека и космоса, идеал единения человечества как планетарной общности людей, идею свободного духовного, нравственного совершенствования каждой отдельной личности для достижения ею конечной цели развития человека – единения с Богом. Русские философы-космисты придавали исключительное значение раскрытию заложенных в человеке природных возможностей, активной преобразовательной деятельности человека на благо людей, планеты, космоса.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Дух и реальность / Н.А. Бердяев. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 512 с.
2. Бердяев, Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. – 678 с.
3. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. М.: АСТ, 2007. – 699 с.

4. Гиренок, Ф.И. Русские космисты / Ф.И. Гиренок. М.: Знание, 1990. – 64 с.
5. Гируцкий, А.А. Наука и религия / А.А. Гируцкий, Р.М. Новрузов. Наука и религия: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 416 с.
6. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. М.: ТОО «Рарогъ», 1993. – 448 с.
7. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. М.: Высш. шк., 1991. – 559 с.
8. Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994. – 573 с.
9. Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
10. Соловьёв, В.С. Сочинения / В.С. Соловьёв. В 2-х т. М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 688 с. Т. 2 – 736 с.
11. Федоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. М.: Мысль, 1982. – 711 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ